

Трудовое мироотношение. Из архива философа

Н. А. Сетницкий

Публикатор: *Анастасия Георгиевна Гачева*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, руководитель Центра исследований космизма Московской высшей школы социальных и экономических наук, главный библиотекарь, научный сотрудник Библиотеки № 180 им. Н. Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО г. Москвы. 121069, Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1. E-mail: a-gacheva@yandex.ru

Аннотация. В настоящую публикацию включены архивные статьи и заметки Николая Александровича Сетницкого (1888–1937), философа, экономиста, статистика, одного из ведущих представителей той линии ноосферной, космической мысли 1920–1930-х гг., которая связана с продолжением и творческим развитием идей Н. Ф. Федорова. Публикуемые материалы относятся к 1923–1924 гг., когда Сетницкий жил и работал в Москве и совместно со своими друзьями-единомышленниками А. К. Горским и В. Н. Муравьевым занимался актуальной для первого пореволюционного десятилетия проблемой труда и научной организации труда. В отличие от теоретиков НОТ, мыслители-космисты федоровской ориентации трактовали труд как мироустроительную, космизующую и организующую деятельность человека в природе, направленную на преодоление хаоса, смерти, распада, как силу, противостоящую энтропии. Ряд публикуемых материалов предназначался для журнала «Октябрь мысли», с которым в 1924 г. активно сотрудничали Горский и Сетницкий. Размышления о цели труда соединялись с размышлениями о смысле культуры как благого возделывания и творческого преобразования мира. Статьи, связанные с проблемой трудового мироотношения, требующего активности человека в природе и противостоящего в этом смысле пассивно-потребительскому отношению к земле, выводили к выдвинувшейся в центр внимания для Сетницкого теме «Эксплуатация или регуляция?», разработку которой он вел в специальной статье. В подтексте статей, предназначавшихся для советской аудитории, был практически нивелирован религиозно-философский план трактовки понятий регуляции, труда и культуры, возводившихся Сетницким к исполнению заповеди «обладания землей», к эсхатологическому пересозданию мира, но некоторые словесные и смысловые обороты намекали на источную активно-христианскую направленность мысли философа.

Публикуемые тексты хранятся в составе харбинского архива Н. А. Сетницкого в собрании *Fedoroviana Pragensia* Литературного архива Музея национальной письменности (Чешская Республика). Ф. 341.

Ключевые слова: архивное наследие Н. А. Сетницкого, космизм 1920–1930-х годов, философия труда, регуляция, культура, борьба с энтропией, преобразование мира, проективизм

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-127-148

Черновой фрагмент работы «Эксплуатация или регуляция»¹

1

Вынесение вопросов, связанных с эксплуатацией², за скобки частных экономических проблем, вынуждает нас сделать ряд выводов самого общего значения для экономической науки вообще и для экономической политики в частности. Действительно: пока эксплуатация понимается как частная экономическая проблема, как факт, связанный с определенными отношениями в этой системе, возникающими на почве раздела продуктов, ее вредоносность, присутствующие ей разлагающие и угрожающие бытию этой системы тенденции естественно мыслятся как свойства того хозяйственного строя, в котором эксплуатация этого рода имеет место. Это ведет к отрицанию соответственных систем эксплуатации, к борьбе против них и замене их другими, построенными на каких-то иных основаниях. Но в тот момент, когда мы приходим к заключению, что этот переход сам по себе не есть что-либо спасительное и улучшающее положение, когда становится очевидным, что отдельные, частные и частичные перемены не приводят в существе ни к каким серьезным изменениям, представляя не что иное, как фазы одного и того же циркулярного процесса, в этот момент приходится спросить о значении и смысле всего хозяйственного процесса в целом, о смысле хозяйствования как такового.

Этот вопрос обычно не ставится. Хозяйственная деятельность в общих чертах характеризуется как деятельность, имеющая своей задачей удовлетворение потребностей, и потребностей преимущественно материальных. В этом качестве она представляется деятельностью, имеющей задачей поддержание и обеспечение жизни. В этом усматривается ее самодостаточность и самый вопрос о смысле ее устраняется. Но поскольку все известные нам хозяйственные системы построены на эксплуатации, использовании и истреблении и уничтожении ресурсов космоса, поскольку они все — одни в прежние времена бессознательно и наивно, а другие в настоящее время, сознательно и планомерно, постольку они в окончательном итоге идут и ведут к гибели. Наивные хищническо-парази-

1. В собрании *Fedoroviana Pragensia* отложился ряд материалов, черновых набросков, фрагментов текстов, относящихся к ведущему замыслу Н. А. Сетницкого 1920-х годов — книге «Эксплуатация или Регуляция?», в которой он планировал разработать представление о новой, творческой экономике, которая была бы построена на выдвинутом Федоровым принципе регуляции природы, основанной на всецелом познании мира. Печатается один из фрагментов.
2. Н. А. Сетницкий посвятил проблеме эксплуатации философско-экономический очерк «Эксплоатация», напечатанный в «Известиях русского юридического факультета в Харбине» (1928. Т. 5. С. 215–258).

тарные устремления прежних хозяйственных систем, скрывавших и паразитизм, и хищничество под разнообразными идеологическими покровами, сменились системами, осознавшими себя с этой стороны. Два типических для современности хозяйственных мировоззрения — капитализм и коммунизм (мы не говорим о тех или иных средних и компромиссных в существе формах либералистическо-социалистического толка или фашистски-синдикалистических построениях, являющихся гибридами этих двух основных) осознали себя как паразитарно-хищнические системы и самый спор между ними свелся к вопросу о недостаточной эксплуатации природы, задерживаемой внутренними противоборствами, являющимися в результате эксплуатации человека человеком. Но признание того, что борьба ведется в существе дела за комфорт и его равномерное распределение, т. е. за равномерную реализацию паразитизма и за вынесение хищничества из среды человечества вовне, с неизбежностью приводит к тем выводам, которые сделаны выше. Паразитарно-хищнические системы хозяйствования, сменяя друг друга, ведут на пути истощения используемой ими среды и тем самым к гибели и соответственного хозяйства, и ведущего его человечества. Чем глубже, продуманней и основательней поставлено ответственное хищнически-паразитарное воздействие на среду, чем шире и всеобъемлющей паразитизм и чем активнее и яростнее хищничество, тем ближе срок той окончательной гибели, которая ожидает всякого паразита и хищника.

Таким образом, современное хозяйство, в какой бы форме оно ни представлялось (коммунистической или капиталистической), одинаково идет и ведет к гибели. Тем самым современная экономия обесмысливается. Речь при оценке той или иной системы конкретного хозяйствования может идти о сроках, о более близком конце или об отдаленных относительно временах, но не о существе процесса и направлении, по которому он идет. Цель хозяйства, имеющего задачей поддержание жизни через удовлетворение потребностей, превращается в свою противоположность в лучшем случае, сводясь к отсрочкам, более или менее длительным, неизбежного конца. Самое слово экономия — домостроительство — теряет свое первоначальное значение. Хозяйство, построенное на эксплуатации, есть не что иное, как домостроительство гибели, подготовка и обеспечение приближения ее в акте уничтожения (более или менее растянутого во времени) паразитирующего (в комфорте) и хищничающего (в добыче) человечества.

Такое положение ставит экономическую науку в весьма тяжелое положение, при котором конец хозяйствования должен тем или иным образом отодвигаться из поля сознания и рассмотрения³.

3. Примером этого может служить вопрос о потреблении, столь важный с точки зрения определения целей хозяйства, и в то же время столь слабо разработанный — самое введение которого в систему отделов поли-

Если хозяйство есть экономия-домостроительство гибели, то самый процесс хозяйствования бессмыслен. Хозяйственный акт при таком положении должен иметь какое-то обоснование, вне его лежащее, должен служить какой-то другой цели, или, вернее, для него должна быть подыскана посторонняя ему, оправдывающая его цель. Тем самым хозяйственная деятельность принижается, превращаясь в низменное и презренное в существе своем занятие. От Платона до наших дней хозяйственная деятельность почитается и воспринимается как нечто низкое, презренное, служащее удовлетворению низких «материальных» потребностей, хотя самое существование иных высших потребностей, задач и целей. Вне подобного дуалистического построения невозможно мыслить хозяйство и хозяйствование для тех, для кого если не открыт, то хотя бы приоткрыт конец хозяйства, построенного на паразитическо-хищнической основе.

2

Раз современное общество есть экономия гибели и тем самым отрицание своей собственной основы, отрицание себя, как домостроительства, т. е. деятельности, создающей условия, обеспечивающие возможность жизни и ее сохранения, то возникает вопрос, возможна ли экономия как таковая в этом последнем смысле. Возможна ли экономия — хозяйство как домостроительство, домоуправление, как создание условий сохранения и обеспечения жизни? Другими словами, возможно ли хозяйство вне эксплуатации, как использования и истощения среды? Или иначе выражая ту же мысль: возможно ли иное, не паразитарно-хищническое отношение человека к среде? Возможна ли деятельность иного типа, не ведущая и не увлекающая хозяйствующее человечество на путь неизбежной и окончательной гибели?

В сущности, этот вопрос сводится к определению пределов воздействия человека и человечества на среду. Это вопрос предела человеческих потенций и условиях их актуализации. Задавая его, мы спрашиваем: обречен ли человек на то, чтобы всегда оставаться хищником и паразитом, или же он может выйти из этого положения? Всегда ли он будет и обречен быть захребетником и паразитом земли и солнца, или перед ним могут открыться или могут быть найдены иные пути жизни и деятельности, а тем самым и хозяйства как домостроительства, обеспечивающего и сохраняющего жизнь.

Все эти вопросы выводят нас из сферы постановки узкоэкономической проблемы, особенно в современном ее понимании. Они должны быть относимы к области проблем философской антропологии, к учению о человеке и его месте в мире, его потенциях,

тической экономии оспаривается, ибо потребление в существе есть истребление всех тех благ, о которых идет речь.

о пределах его воздействия на мир и его месте в мире. Это — круг вопросов, которые обычно упираются в дискуссию о свободе и необходимости. Практически применительно к вопросу о возможности экономии как домостроительства они сводятся к следующим вопросам: каково отношение и возможности человека в отношении к среде вообще и к природе в частности? Возможно ли с его стороны воздействие на нее сообразно его задачам и целям или его существование и деятельность всецело определены средой? Решать эти вопросы вне конкретных отношений, возникающих в процессе жизни и деятельности человека в существе дела, не нужно, если принять во внимание, что, когда мы говорим о необходимости как чем-то определяющим какое-то направление совершающихся событий и стечений обстоятельств, то всегда имеем дело с какой-то равнодействующей множества причин. В конце концов необходимость есть не что иное, как равнодействующая множества причин, возможностей и условий, движущих события и располагающих явления по какому-то установившемуся привычному или мыслимому таковому руслу. Таким образом, необходимостью сводится к внешне упорядоченному, стихийно реализующемуся движению и развертыванию события, которое в существе своем есть результат неисчислимого многообразия действующих сил. Многообразие сил-факторов и установленность, устойчивость реализации их и направленности их — таковы два момента, характеризующих необходимость.

Урожай и управление погодой⁴

В «Известиях ВЦИК'а» в течение последних месяцев неоднократно появлялись заметки, посвященные вопросу об управлении погодой. Сколько можно судить, они вызвали чисто теоретический интерес и до сего времени нам неизвестно ничего, что давало бы основание думать, что эти вопросы из стадии теоретического любопытства перешли в стадию практического обсуждения. Тем не менее практическая постановка этого дела чревата самыми неожиданными последствиями и весьма многие проблемы хозяйственной

4. Статья предназначалась для журнала «Октябрь мысли. Ежемесячника, посвященного вопросам культурного строительства пролетариата» (1924). Не была напечатана, по всей вероятности, в связи с закрытием журнала. Тематически статья продолжает тему, поднятую в 1922 г. И. П. Брижничевым, членом Помгола, предложившего создать при ВЦИК «Практический институт по борьбе с голодом», объединив вокруг этой задачи разные отрасли научного знания и практики (см.: *Брижничев И. П.* К голодной проблеме // *Известия ВЦИК.* 1922. № 162, 22 июля). Н. А. Сетницкий предлагает решать вопрос об обеспечении урожая путем атмосферической регуляции, актуализируя тем самым мысль Н. Ф. Федорова.

жизни СССР могут быть неожиданно быстро разрешены с разрешением задач по управлению погодой.

Действительно: последние сводки ЦСУ⁵ дают понижение показателей видов на урожай для Северо-востока. Это значит, что некоторые районы, уже перенесшие голод в 1919–1921 годах, находятся под новой угрозой голода. Достаточно вспомнить всем, кому пришлось пережить страшный 1921 год в голодных местностях, те ощущения бессилья при виде проходящих мимо туч, чтобы представить себе достаточно отчетливо все то, что связано с вопросами управления погодой. Для тех же, кто не пережил этой засухи и последующего голода, быть может, будут иметь значение следующие соображения.

Климат Союза Республик находится под постоянной угрозой двух противоположных течений: то сухие иссушающие дыханья Азии и ее пустынь, то влажные, вымачивающие посева ветры Атлантики. В этих условиях живет страна, вынужденная еще долгие десятилетия строить свою экономическую жизнь на своей сельскохозяйственной продукции. Наши урожаи, в среднем достигающие до 42–45 пудов с десятины в хороших местностях, так низки не только потому, что мы слишком малокультурны, а и потому, что весьма трудно поднимать урожайность там, где она так сильно зависит от внешних климатических условий. Неверность наших урожаев в массе так мало зависит от тех или иных условий культуры, что об этом не приходится говорить, достаточно вспомнить народные пословицы. При таком положении нашей задачей, задачей, основной для всей страны, является обеспечение верных урожаев. Конечно, введение соответственных усовершенствований в дело сельского хозяйства — это вещь и нужная, и должная, и неотложная. Но это предприятие требует ряда многих лет и даже десятилетий. Но и это не обеспечивает, если принять во внимание неустойчивость погоды и важность специального климатического режима (климатического оптимизма) для благоприятного развития растения в небольшие и краткие критические периоды, определяющие его судьбу и вероятный урожай (здесь достаточно сослаться на работы ЦСУ — работы проф. Четверикова⁶).

Но с другой стороны, даже допустив, что агрономическая культура и только она может оказаться решающим фактором в деле повышения нашей сельскохозяйственной продукции, все же необходимо учесть и решить, что же выгоднее в наших условиях: ждать, пока через 25–30 лет мы добьемся продукции, равной бельгийской, или искать путей и способов закрепить повсеместно устойчивые урожаи путем работы по управлению погодой. Конечно, между этими двумя путями нет никакого противоречия и необходимо идти

5. ЦСУ — Центральное статистическое управление.

6. Николай Сергеевич Четвериков (1885–1973) — ученый-экономист, статистик, с 1919 г. работал в ЦСУ.

и той, и другой дорогой, но, несомненно, второй путь скорее способен дать ясные и отчетливые результаты и отразиться благоприятно на хозяйственной жизни страны. Как бы то ни было, но всем должно быть ясно, что позволить себе вторично, хотя бы и через 10–15 лет, переживать неурожай и голод, подобный бывшему в 1921 году, мы не можем и не должны.

Все это, несомненно, выдвигает на первый план требование практической постановки опытов по управлению погодой. Не надо ожидать, что это простое дело. На этом пути имеются серьезнейшие затруднения, и не только технического и научного свойства. Здесь придется преодолеть серьезнейшее сопротивление со стороны всех тех лиц, для которых небо, дождь, гром и молнии и т. подобные явления природы до сего времени представляются вещами священными. Эти люди окажутся не только среди разного рода представителей культов, которым даже покушение на управление погодой грозит потерей серьезной статьи дохода. Можно ожидать, что, как всегда и везде, часть профессионалов науки окажется противниками столь экстравагантных опытов, грозящих в корне переменить направление всех работ современности и наряду с метеорологией создать метеоротехнику. Однако не перед этими силами останавливаться. Несомненно, самая мысль об управлении погодой, о возможности по своему произволу устанавливать дождь и ведро привлечет внимание самых широких крестьянских кругов к этому вопросу. Несомненно также, что из наиболее заинтересованных в этом деле кругов в будущем выйдут деятели, у которых найдется достаточно смелости мысли и силы воли, чтобы осуществить «небесные каналы» и создавать и направлять погоду на благо широких масс населения, кровно заинтересованных в верном урожае.

Любопытно то, что в изданной в свое время Госиздатом книжке И. Кремнева «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии»⁷, где изображается перестроенное на крестьянский лад будущее, вся сельскохозяйственная культура Советской Республики строится на управлении погодой посредством особых машин «метереофоров».

Для того чтобы сдвинуть этот вопрос с мертвой точки, представлялось бы настоятельно необходимым:

I. Открыть дискуссию по вопросу о возможности управления погодой и выяснить путем анкеты среди специалистов-метеорологов возможность постановки соответственных опытов, а также важность и необходимость их для СССР.

II. Собрать и издать все материалы по вопросу об управлении погодой.

III. Выяснить те опыты и средства, которые могут потребоваться для осуществления этого дела.

7. *Кремнев И.* [Чаянов А. В.] (1920). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. М.: Гос. изд-во.

Что касается этого последнего пункта, то если мы тратили и тратим громадные средства на работы по Курской магнитной аномалии — а ведь и эти работы были под большим сомнением у весьма видных ученых — то при всей бедности советской страны найдутся средства и на постановку опытов, долженствующих обеспечить стране верный урожай.

Н. А. С.

Под заголовком:

Только Управление погодой может обеспечить СССР верные урожаи. Необходимо поставить это дело на практическую почву и подготовиться к постановке в будущем году соответственных опытов.

Н. А. С.

Н. А. Сетницкий. Октябрь Мысли. Секция НОУТ.
Гонорар передать об<щест>ву «Октябрь Мысли».

Пафос культуры⁸

Культура — великая культура будущего бесклассового общества придет; придет независимо от того, что мы о ней думаем, желанно или нежелательно для кого-либо ее появление. Почва для ее прораствания готова, взрыхлена и унавожена кровью. Экономические катастрофы будущего — и ближайшего будущего — это только последняя, может быть, трудная и затяжная корчевка пней пред распашкой, пред бороньбой и посевом.

Но эта неизбежность и необходимость появления новой культуры нового человечества не освобождает нас от обязанности дать воз-

8. В собрании *Fedoroviana Pragensia* хранится беловая рукопись статьи на трех больших листах, сданная в журнал «Октябрь мысли». На последней странице рукой неустановленного лица надпись: «Отзыв о статье», что свидетельствует о том, что статью планировалось направить на рецензирование. На первом листе рядом с заглавием надпись фиолетовым карандашом, предлагающая другое заглавие: «Культура как преобразование мира». В левом верхнем углу листа — рукописный «штамп»: «Редакция «Окт<ября> Мысли» 14/XI 1923. Выше проставлено: «5/2 экз.», указывающий на нужное для редакции число экземпляров перепечатки статьи. Помимо беловой рукописи в архивном собрании отложилась ее машинопись на пяти листах, а также черновая рукопись, с которой переписывался — с уточнениями и вариациями — беловик. В конце рукописи обозначен один из псевдонимов Сетницкого — Николай Кононов.

можно точные определения и характеристики как самого понятия культуры, так и того направления, которое ей надлежит принять при ее предстоящем развитии. Понятие необходимо для того, чтобы взять понимаемое, и чем лучше понятие, тем удачнее достижение. Понятие в этом своем качестве есть проект или основа проекта и способа действия. Мы же теперь не настолько богаты, чтобы позволить себе бессознательное вызревание понятий без знания о том, для чего и зачем им надлежит существовать и в каком деле они нас ведут.

Если все это так, то тогда, очевидно, понятие культуры может и должно быть понятием, определяющим действие, метод, цель и задачу. Оно не может быть перечислением свойств, качеств или сторон явления, всегда многогранного и многостороннего. Необходимо отметить в понятии культуры лишь характерное и неотложно нужное для предстоящей конкретной работы творческого воссоздания и сохранения жизни.

Почву и материал для таких изысканий, для определения обычного сокрытого под многозначным речением: культура, нам надлежит искать преимущественно у истоков отдельных конкретных культур. Иначе, если мы будем искать оснований и черт для построения определения культуры в эпохах «расцвета», то неизбежно наткнемся на сложный процесс разложения, рискуя пахучий распад и гниение определять как культуру. Ведь недаром же называют «культурой» разводку разных бацилл. «Культура рокфора» на Западе, «культура опиума» на Востоке — достойные образцы такого метода определения.

Говоря о культуре не как об общем явлении, протянувшемся общию линией из миновавшего в будущее, а об отдельных «культурах», мы, по существу, находимся под влиянием этих привычных путей определения культуры по моментам окончательного расцвета хозяйственной и политико-идеологической системы, осуществившейся в течение той или иной отдельной эпохи. Здесь, конечно, будет понятным выделение особенностей, своеобразий, вообще специфических черт, проявившихся и как будто присущих явлению культуры в данный момент. Как бы там ни было, но необходимо учитывать то, что в эти эпохи уже мы имеем дело с обычной борьбой и распадом, прошедшим порой незаметной, но резкой чертой через все основания этой так называемой специфической «культуры» данной эпохи. Единство культурного устремления покоится на расщепившейся экономической базе и неизбежным предвидится бурный удар тектонических сбросов или же медленное засыхание и старческое истощение. В такие эпохи особенно громко звучат рядом с громом пророчеств о гибели, пиршественные песни хозяев минуты, страшащихся заглянуть в безнадежность будущих дней.

Нам не приходится говорить о распадах и будущей гибели, и поэтому, если мы полагаем, что культура бесклассового общества должна органически впитать в себя все достижения человечества, то нам необходимо остановить свое внимание на истоках, на зерне, на зачатках. Там мы найдем в чистом виде все то, что является об-

щим для всех осуществленных конкретных «культур» и что, надо думать, естественно и неизбежно скрывалось, маскируясь, в годы «расцвета». Надо думать, что именно нам обретается все прозревавшееся всеми лучшими умами человечества, что искажалось и коверкалось противными силами, возникавшими в каждой среде сообразно с ее хозяйственной структурой, и что надлежит воспринять, впитать, обновить и исполнить и освятить в предстоящей осознанной и осмысленной культуре грядущего общества.

Итак, если мы возьмем хотя бы только ближайšie к нам эпохи: средневековую церковную культуру и так называемое Новое время, то у истоков одной мы найдем монашескую мистику и блаженного Августина, а пред другим: «новаторов»-гуманистов, научный метод и монументальную фигуру лорда Франциска Бэкона. Что же роднит меж собой этих людей, столь различных своею эпохою, взглядами и обстановкою жизни? Ведь в конечном итоге в истории мы видим их как врагов, как схватившиеся системы в виде церкви и государства, науки и религии.

Вот что достаточно достопримечательно: те и другие равно переполнены пафосом преобразования.

*Civitas dei*⁹, если подходить к этой книге не с точки зрения того употребления, которое из нее сделала католическая церковь, то окажется, что мы имеем перед собой бурный протест против прежнего римского строя и государства. *Civitas diaboli*¹⁰, римское государство, должно быть разрушено, прежние формы жизни должны быть отвергнуты. Общество и человечество должны быть преобразованы; *civitas dei* — это план универсального преобразования человеческого общества, проект грандиозный, если учесть конкретную обстановку, в которой он был начертан и задуман. Это полный проект перестройки и перепланировки всего человеческого общежития.

Но мистики? Можно думать, что они ни при чем в деле строительства культуры? В последнее время мы привыкли сваливать в одну кучу разные явления, многообразно обусловленные и своеобразно соединенные. В хозяйственной жизни варварских стран, возникавших из-под развалин Римской империи, было довольно людей, которых экономические условия эпохи гнали в аскетизм мистически-монашеского типа. Но наряду с этими условиями что же гнало туда лучших людей, людей стальной веры, силы и воли? Ведь аскеза не была услаждением на монастырских кухнях, да и кухня вначале не было, а была «пустыня». Тот же мотив, что и у Августина, мы найдем и здесь, но направленный несколько иначе. Смертный и плотский, колеблемый жизнью и тьмою житейскою человек — вот что отрицалось христианской аскетикою. И «работа», и «молитва», и «пустыня» — все имели конечною целью преобразование природного человека, «обоженье» его. Это положение можно доказывать большим матерьялом, точно так же, как мож-

9. Град Божий (*лат.*). Название сочинения блаж. Августина.

10. Град дьявола (*лат.*).

но и утверждать практическую «бесцельность» этих опытов и методов такого «обождения». Но удача или неудача в осуществлении замысла, правильный или ложный метод, примененный при достижении, сами по себе не колеблют и не дискредитируют цели. Как бы то ни было, а перед нами стоит преобразовательная задача, разрешавшаяся слабым и неумелым учеником¹¹.

Ту же преобразовательную стихию и цель мы найдем у Бэкона. *Novum organon*¹² — это предвосхищение большинства достижений науки последних веков, если не в их методическом и практическом осуществлении в позднейшей теории, то в гениальном проекте пересоздания и преобразования человеком внешнего мира. С достаточной долей смелости можно утверждать, что все достижения Нового времени в технике и в познании мира своими корнями уходят к этой любопытнейшей книге ученого лорда.

Такова та основная струна, дающая тон всякому культурному устремлению. Культура как преобразование мира — вот та основа, задача и цель, которая неизменно и неизбежно сопутствует всякому подлинному культурному акту. Исторически в основу нашей культуры положено преобразование общества, человека и внешнего мира, т. е. социальной среды, биологической и психофизиологической структуры и окружающей нас природы. Это и есть те задачи, которые надлежит разрешать строителям будущего человечества.

Теперь несколько слов о методах. Краткое рассмотрение тех направлений, на которые свернула жизнь и своротила за собою мысль, исказив ее основные построения, должен осветить нам предстоящее созидание культуры.

Отдельные направления преобразовательного метода мышления, лежащего в основе ближайших к нам культур, характеризуются тем, что в итоге ни одно среди них не вскрывалось как целостное и завершенное преобразование мира. Все они в окончательном счете фиксировались на отдельных комплексах: общество, человек, мир. Эта частичность (партийность) делала их слабыми. Все же весьма примечательно то, что были моменты решительных синтезов и создавались течения мысли, необычайно близкие к тому мировоззрению, которое ныне нами полагается в основание дела. Правда, все они в свое время опрокидывались экономикой.

Так прежде всего мы имеем такое явление в Средних веках. В тот момент, когда намечалась решительная трещина в базисе и расчле-

11. В черновой рукописи далее зачеркнут текст: «Любопытно и то, что, в отличие от других видов мистики, средневековая, и особенно православная, не говорят об конечном подавлении и уничтожении личности в Боге, так что их “богосынство” по усыновлению, их “теозис” мыслится социальным, общительным с Богом и с живыми людьми».

12. «Новый органон» (лат.) — название сочинения Ф. Бэкона, вышедшего в 1620 г. и заложившего основу философии и методологии науки Нового времени.

нялась основа хозяйственной жизни, когда духовенство в верхах начинало консолидироваться в завершённый, оформленный класс, сословно и юридически закреплявший при помощи разнообразных соглашений с дворянской властью и феодалами свою хозяйственную самостоятельность, в это же время мы имеем бурную очередную вспышку учений, впоследствии провозглашенных ересью и окрещённых общим названием «хилиазма». Общая сущность всех этих учений о Царствии Божием здесь на земле построилась на Откровении Иоанна. Апокалиптика тысячелетнего царства, активного миростроительства, пересоздания всех отношений, сначала общественных, а затем человеческих вместе с природными¹³, вся эта идеология царства святых, созидателей Горнего Иерусалима, встретила резкое сопротивление церковных верхов и естественно, что при тогдашнем развитии производительных сил победили не массы¹⁴. Для нас в этом деле поучительно то, каким способом правящие церковные круги закрепили и обеспечили за собою позиции, занятые отнюдь не идейным оружием. Апокалипсис, это средневековое учение о прыжке в царство святых, — был отодвинут в ряде церковных книг на второй план и объявлен книгой таинственной и малопонятной. Этим был изолирован идеологический источник движения. Затем самая идея активного пересоздания мира была дискредитирована тем, что оно было отложено первоначально на многие годы, а вслед за тем и совсем отнесено на конец совершенья времен. Кроме того, активный момент, предложение откровения выполнить то, что написано всем слушающим и читающим эту книгу, было вытравлено и подменено учением о магическом и чудесном осуществлении царства святых¹⁵. Естественно, что при таких условиях последние вспышки хилиастических порывов вылились в одиночные вспышки мюнстерского царства святых и построения хилиастического коммунизма Иоан-

13. Н. А. Сетницкий апеллирует к проблематике своей книги «О конечном идеале» (Харбин, 1932), ряд набросков к которой был сделан в первой половине 1920-х гг.

14. В черновой рукописи текст продолжен так: «а те, кто стоял на весьма прозаической базе церковных и монастырских земель и владений, феодалов и ленов, данных сначала на имя различных святых, а затем беззастенчиво признанных в качестве лена святого Петра ленами разнообразнейших клириков разнообразнейших рангов».

15. В черновой рукописи данный пассаж дан в другой версии: «Кроме того, и активный момент был старательно вытравлен из представления о неизбежно грядущей общественной, биологической и мировой катастрофе. Она оказалась в изображении тогдашних победителей не делом рук человечества, ставшего на богостроительский путь хилиазма и царства святых, царства, о котором сказано было:

«Над идолопоклонниками власть Тебе доставлю и жезлом железным будешь их пасти, Ты и перебудутся Они, как глиняные черепки; Тебе звезду я утреннюю дам». Апок. Гл. 2. ст. 27–28.

Осуществление этого царства было объявлено делом магического чуда, непонятного и непостижимого.

на Лейденского. Вслед за этими попытками организовать общество, построенное на коммунистических началах, вплоть до коммуны 1871 года мы имеем полное забвение идей тысячелетнего царства.

Если активная апокалиптика¹⁶ и революционный хилиазм были обезврежены бесконечной отсрочкой и бездейственным ожиданием чуда, то для нового времени мы получили новый и своеобразный уклон, искажающий мысль о преобразовании мира: это индивидуализм. Как и насколько это учение использовано капитализмом и как им ослаблена подлинно революционная сила научной работы и мысли последних столетий — об этом особенно распространяться не приходится. Это и сейчас живое орудие борьбы, не потерявшее своей идеологической силы.

Все вышесказанное дает основание сделать выводы от противного. Если культура есть преобразование мира: общества и человека вместе с природой, процесс пересоздания вселенной в плане общественном, биологическом и натуральном, то путь к осуществлению его идет через проявление активности, через работу, направленную к этим целям здесь и сейчас без откладывания на далекие сроки и без какой бы то ни было ставки на чудо, хотя бы оно мыслилось неизбежным и необходимым как ход естественно-го и стихийно-природного процесса. Равным образом к этой цели можно и должно идти лишь путем совокупных коллективных усилий, а не каких-либо, может быть, ценных, но все же единичных и обособленных индивидуальных достижений.

Трудовое мироотношение¹⁷

Раздел I. Общие положения

- А. 1. Труд как основа всякого сознательного существования.
2. Трудовое сознание, его непрерывность и всеобщность (коллективность) как основная задача жизни.
3. Жизнь как творческий преобразовательный процесс.
4. Преобразование мира как задача общего дела.
5. Общее дело — овладение космосом (природой — телом и сознанием человека — обществом).
6. Овладение как регуляция космосом (регуляция, а не эксплуатация).
7. Регуляция космическая.

16. Концепт «активной апокалиптики» был сформулирован А. К. Горским, Н. А. Сетницким, В. Н. Муравьевым с опорой на федоровское толкование «Откровения Иоанна Богослова» и подразумевал активность человечества в свершении эсхатологических обетований: воцарения Тысячелетнего царства Христа, преодоления смерти, воскрешения умерших.

17. План большой работы, посвященной трудоведению.

8. Регуляция психофизическая.
9. Регуляция социальная — психократическая¹⁸.
10. Полная победа над всяческим распадом как основная цель всего исторического и жизненного процесса.

Практические задачи

- Б. 1. Объединение на этих целях всего человечества.
2. Метод объединения — трудовая повинность в деле познания.
3. Приступ к трудовой повинности в деле познания — сверху, а не снизу, от высших по общественному и умственному положению жизни к низшим, а не наоборот.
4. Союз науки и труда.
5. Всеобщее научное производство и коллективная постановка и проверка всякого знания и опыта.
6. Борьба за прекращение эксплуатации всех видов.
7. Раскрытие и разъяснение всех символических и идеологических построений и обнажение образующих их элементов (отделение трудового от паразитического).

Ближайшая работа

- В. 1. Во всяком учении и мнении выделять и обнаруживать его трудовую основу и подпочву, обнажая все возможные уклоны в паразитизм.
2. Использовать все личные связи и столкновения с людьми для проведения в жизнь вышеизложенных положений, не делая разницы между разными политическими и общественными течениями и вскрывая общую их тенденцию к взаимной вражде как попытку общее дело жизни заменить всеобщей дракой и резней инакомыслящих.
3. Всюду проводить мысль, что всякая взаимная резня есть, помимо прочих причин, результат попытки подменить дело, общее всем и важное для всех, дело жизни делом раздела, распада и разъединения — делом смерти.
4. Всюду проводить мысль, что в современных условиях техники после опыта войны 1914–1921 года всякая попытка серьезная поставить войну и осуществить ее на деле грозит не только существованию европейских рас, но и существованию всего человечества и, б<ыть> м<ожет>, нашей планеты.
5. Пропагандировать повсеместно идею трудового объединения человечества¹⁹.

18. Определение «психократический» образовано от существительного «психократия», представляющего собой неологизм Н. Ф. Федорова, определяющий тип общества, вставшего на путь всеобщего дела и восстановления родства.

19. Далее в рукописи следует обозначение второго раздела: «Раздел II. А. Общие положения», однако содержание раздела не представлено.

Труд — сознательная преобразовательная деятельность человека.

Трудовой процесс — деятельность.

Противоположения: дело — безделье; труд — бестружье; трудовое — усилие, целесообразно направленное; даровое — деятельность, сознание, преобразование; определение труда недостаточно — самобытное, самостоятельное, некоторый выход из себя в акте преобразования. Даровое — получаемое без усилий несамостоятельным преобразовательным процессом — паразитизм.

Элементы паразитизма.

Виды его: 1) Паразитизм естественный, хищничество природное, паразиты внешние и внутренние. Живорождение как случай паразитизма.

2) Паразитизм социальный, привилегированность, хищничество на социальном теле, его формы внешние и внутренние. Паразитизм экономический, культурный, психический.

3) Паразитизм космический. Жизнь и смерть — природа, самодеятельность.

Восприятие и действие.

Расчленение восприятия и действия.

Трудовой процесс как соединение восприятия с действием через продукт.

Трудовое и даровое как две противоположности, два мироотношения.

Активное мировоздействие — пассивное мирозерцание.

Цель труда²¹

Вводные соображения

I. Следует ли ставить малоактуальные проблемы — проблемы окончательных целей — целей, достижение которых не видно, конкретно-трудно разрешимые проблемы — проблемы социалистического общества — царства свободы?

Пример 1: 1913 год и наши беседы о революции, о диктатуре пролетариата, о системе единоличных и коллективных диктатур, о пар-

20. В заметке противопоставляются два ключевых понятия философии Федорова, относящиеся к его социально-экономическим идеям, согласно которым человек все даровое, природой данное, должен заменить трудовым.

21. Ниже печатаются две заметки Н. А. Сетницкого, в которых он намечает разработку аксиологических проблем трудовой активности человечества, выводит понятие цели труда, возводя ее к идеалу «Нового неба и Новой земли».

ламентаризме и его вырождении, об экспертной системе государственно-политического строительства, прогнозы на 1923–1927 годы.

Пример 2: Товарищи в ссылке, их работа, подготовка проектов и планов работы на второй день после захвата власти. Разработка законопроектов, принципов строительства вплоть до циркуляров и выполнение их в жизни после октября 1917 года.

II. Современное положение аналогично: необходимо уже сейчас иметь ясное и четкое представление о том, что надлежит делать человечеству на второй день после прыжка из царства необходимости в царство свободы. Цели, задачи и методы работы уже сейчас должны быть учтены и соображены. Ясность и четкость целей уже сейчас важна по практическим соображениям. Такой вопрос, как НЭП и пересмотр политики сейчас. Нужно ли оставлять НЭП и как долго. Вопрос о мировой революции и сроках. Заданные сроки — 30–50 лет — это срок жизни нашего поколения. Это значит считать, что наше поколение выбыло из строя (Евреи — 40 лет странствовали в пустыне. Почему мы вынуждены прийти к НЭПу — почему евреи должны были 40 лет ходить по пустыне). Уяснение целей и задач неизбежно связано с уяснением средств, возможностей и путей достижения. А пафос искания, если он подлинно революционный, он необходимо связан с пафосом достижения, борьбы за осуществление и с осуществлением.

III. Вопросы цели — телеологии — нужны ли они? Вопросы — цели — возникнут сами, сами явятся и ответы. Телеология должна не быть идеалистичной. — Телеология и Теория. Теоретический и практический разум должны уступить место подлинному Разуму вещей. — Проективный разум. Проективизм как мироотношение, а не мирозерцание.

Цель труда

I. Организация и цель труда

Всякая организация имеет цель и должна ее отчетливо знать и сознавать ее. Керженцев, стр. 15²².

Организация труда (НОТ, НОУТ) и цель. Современное положение вопроса. Цель организации труда (всякого вида труда) — поднять его производительность; это основная задача, до которой поднялась мысль в вопросах о цели труда и его организации. Дей-

22. Платон Михайлович Керженцев (1881–1940) — теоретик научной-организации труда, автор ряда работ по проблемам НОТ, организации управления, экономии времени. Создатель «Лиги Времени», ставившей своей целью борьбу за время и связанную с ней эффективность труда

ствительная и окончательная это цель или одна из временных, конкретных задач.

Самый вопрос не ставится, а поднятие производительности предполагается как цель. В этом качестве НОТ аналогична тейлоризму, хотя нечетко создается какая-то принципиальная и глубокая разница между НОТ и тейлоризмом на Западе.

Необходимость поставить вопрос об основной и окончательной цели труда и, следовательно, и об цели организации труда. Пример по вопросу: зачем это ставить? Лига Время. Зачем организовывать время? Зачем беречь его? Задачи сегодняшнего дня и распределение времени. Герои Эренбурга с их идеально построенным бюджетом времени²³. Организатор общественного разврата и француз — владелец ртутных копей в России. Идеально организованное время этих людей — безобразие и извращение смысла постановки такой задачи: организация собственного времени для целей общественной эксплуатации и разврата и для целей самоуслаждения.

Отсутствие ясности в вопросе о цели труда. Формула: труд должен быть преодолен. 8-часовой рабочий день и 2-ух-часовой рабочий день. Проблемы сокращения рабочего времени и общественно-полезного труда и их временный характер: 1) агитационный в отношении общества, построенного на принципах эксплуатации, 2) в отношении к примитивным (обезглавливающим) формам физического труда (труд физический до его превращения в труд умственный). Обратная сторона вопроса об 8-часовом рабочем дне: 16-часовая праздность²⁴, а при идеале: 22-часовая. Смутное сознание величайшей ценности труда, и не ценности только практической, а абсолютной и безусловной (Пушкин — идея 24-часового трудового дня). Апология труда.

II. Цели труда — возможные решения вопроса

Методы определения цели труда. Исключение отдельных целей и определение последней и окончательной.

Труд и производство (соответственно — производительность труда). Вторичный, если не третичный характер производства в иерархии целей. Цель производства — удовлетворение потребностей. Потребности производственно-индустриального общества: 1) голод, 2) половой подбор (похоть). Удовлетворение того и другого и самоупражнение труда: Уэльс («Освобожденный мир»). Люди вниз; он же («Машина времени»). Вырождение — непосредственный исход культуры; Достоевский: люди великого Инквизитора.

23. Отсылка к роману И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921).

24. Характеристика свободного времени как «16-часовой праздности» идет от Н. Ф. Федорова, для которого священный труд регуляции и воскрешения призван целиком вовлечь в себя человека.

Царство иезуитов в Парагвае — труд и производство и результат — уничтожение, смерть.

Труд и знание, труд и искусство. Труд и интеллектуальное наслаждение. Подчиненное значение искусства и знания. Общество, освобожденное от заботы о средствах существования, и его жизнь в области интеллектуального. Общество ученых и художников n-ое в степени n произведений (книг, картин, поэм и т. д.). Бесцельный труд. Труд, как и игра и как сорт в интеллектуальной области. Знание и искусство не самоцельны, а лишь средства каких-то целей. И как средства они могут быть различно направлены. Уничтожение — смерть.

Труд и жизнь, труд и природа. Уничтожение жизни силами природы. Стихийный процесс распада. Труд как преобразование природы и обеспечение жизни. Труд и борьба с природой. Труд познания и управления природными стихийными силами. Труд и космизм. Угроза человеку со стороны мирового хаоса. Не оборона, а наступление. Выход человека в хаос для превращения его в космос. Жизнь, превращенная в труд познания и управления стихийными силами природы, действующими вне и внутри человека; труд непрерывного производства и воспроизводства собственной жизни «своею собственной рукой». Трудовое и даровое существование. Даровое существование обречено на всегдашнюю и рабскую зависимость от даров, безразлично, кто бы эти дары ни давал: Бог, природа, общество. Даровое — дар данайцев. Самобытное и самостоятельное удержание и поддержание жизни.

II. Окончательная цель труда

Полное и безраздельное овладенье сил природы путем познания их внутри и вне человека. Прекращение стихийного процесса и взаимного противоборства сил и стихий и направление их человеком: мировая, космическая регуляция.

Возможна ли такая цель? Не меньше, а даже больше, чем электрификация России. Она будет невозможной, если мы признаем ее невозможной. И эта цель, как и задача электрификации, будут невозможны, если никто их не будет ставить, никто не будет работать для их осуществления. Заслушав, а затем сложив руки, отложив достижение какой бы то ни было цели на столетия, никто никогда ничего не достигал.

Постановка такой цели необходима. Это выбор: жизнь и смерть. Только такая цель осмысливает всякий трудовой процесс. В постановке такой цели отличие: НОТ — от тейлоризма, НОУТ — от познания для познания; все остальные цели и задачи труда и его организации могут быть поняты, как конкретные организационные и подготовительные для осуществления этой главной цели.

Такая постановка цели труда — единственная стоящая на почве идей коллективизма? Христианство обоготворило крест — ору-

дие казни рабов, наша задача поставить труд (дело рабов) на высоту святости. Задача эта не может быть осуществлена силами одного какого-либо человека — это подлинная всеобщая задача всего объединенного человечества, победившего распад и его силы (буржуазию и деление на классы эксплуататоров и эксплуатируемых) в самом себе и выступающего на борьбу с распадом в природе.

Повинность познания²⁵

Одним из интереснейших моментов в русской революции является попытка осуществить всеобщую трудовую повинность. Этот опыт в будущем, несомненно, привлечет внимание исследователей, и можно думать, что многие из тех черт, которыми в настоящее время изображается эта попытка, будут критически взвешены и отброшены. В частности, вопрос об организации трудовых армий, как мероприятий, специфически свойственных эпохе так называемого военного коммунизма, будет, несомненно, пересмотрен, причем не только будет установлено, что работа по устройству и комплектованию трудовых армий продолжалась, и не только после провозглашения новой экономической политики и после снятия блокады до 22-го года, но даже и в 23-м году об мероприятиях, связанных с трудовой повинностью, говорилось как об актуальных задачах советского строительства. Но несомненно и другое. Будет установлено, что такое предприятие, как всеобщая трудовая повинность, не было для нас чем-либо новым и чуждым, вызванным к жизни исключительно положением страны, гражданской войной и блокадой или навеянными социалистическими или коммунистическими доктринами.

Идея повинности и службы в нашем сознании и в сознании народном является идеей весьма прочно укрепленной. И несомненно, между кажущимися экстравагантными европеизированному сознанию проектами, осуществлявшимися в эпоху революционного кипения, в нашей исконной традиции существует гораздо более глубокая и почвенная связь, чем это может представляться стороннему наблюдателю. Эта связь в свое время была разорвана законодателем путем издания указа «о вольности дворянству», естественным заключением и завершением которого был акт 1861 года, освобождавший крестьян.

Но сами по себе эти акты не подорвали в нашем сознании идеи службы и повинности. Это видно хотя бы из того, что большинство

25. В статье «Повинность познания» Сетницкий стремится раскрыть этический и аксиологический пафос идеи «трудовых армий», подчеркивая разрыв между замыслом, связанным с идеалом служения, чаянием регуляции, — и принудительным его воплощением, и вывода проблем коллективного трудового действия к задаче коллективного исследования природы («повинность познания») для разумно-творческой ее регуляции.

освобожденного от службы дворянства, даже в эпоху полной обеспеченности этого класса, стремилось служить, а самая «вольность» понималась преимущественно как свобода более раннего выхода в отставку. В крестьянских слоях идея повинности, как службы и крепости государству, жила не только в течение всего прошлого столетия, что видно хотя бы из ополченских волнений, но и до самого последнего времени, чему весьма способствовал общинный строй деревни.

Таким образом, возникает вопрос: в чем причины, вызвавшие неудачу трудовой повинности в эпоху революционных потрясений? Действительно ли это совершенно отжившая идеология, не имеющая под собой почвы в современном хозяйственном строе, перевозящем все на деньги (повинность в налог, жалованье в заработную плату), в строе, где все продается и покупается и где добро и внимание выражаются в денежной подачке, а зло и проступок караются штрафом. Если трудовая повинность связана не только с эпохой революционных войн и блокады и не является для нас наносной доктриной, а связана с коренным и глубоко-исконным строем отношений, идеологию коего не мог истребить полуторасотлетний перерыв, то ведь естественно было бы ожидать укрепления ее после революции?

Этого, однако, не произошло, и исследователю предстоит разрешить вопрос, что было причиной этого срыва.

Естественно, конечно, усматривать причину этой неудачи в экономике и т. под., но нам представляется, что причина его лежит в другой области. Введение такого мероприятия возможно только тогда, когда к нему приготовлена психика, и после того, как переустроена или восстановлена соответствующая идеология. При таком положении невозможно было довольствоваться ограниченными и слабо разработанными в этой области идеями, связанными преимущественно с утопическим социализмом. Необходима более детальная и продуманная идеология будущего строительства и на первом плане должна была быть оставлена и убедительно утверждена соответствующая окончательная цель.

Уже одно это соображение показывает, в каком месте сорвалось такое мероприятие, как всеобщая трудовая повинность. Введение ее нужно было начинать с того места, где была произведена отмена. Ошибка была в том, что трудовая повинность была декларирована сразу, одновременно для всех. Отмена государственной повинности и крепости государству была начата с социальных, а это значит, и с культурных верхов. Указ о вольности дворянству освободил культурные верхи, оставив под ними подневольную крестьянскую массу, как хозяйственную базу, причем ведь эта база представлялась лишь как обеспечение возможности выполнить те функции, которые были возложены на эти верхи. Поэтому первая повинность — повинность, которая должна была быть провозглашена русской революцией, должна была быть *повинностью познания*.

Первыми должны были быть обязаны повинностью социальные и культурные верхи, и эта повинность должна была осуществиться не путем снижения всех до уровня лиц, выполняющих примитивные и элементарные работы, а путем установления повинности для верхов, повинности взявших ключи разуменья. От этой вершины возможно было бы расширение круга повинностей. При этом, естественно, этот процесс должен идти путем расширения круга познающих и познаваемого. Лозунг: «Все должны быть познающими и все предметом познания»²⁶ — этот лозунг должен быть центром всех устремлений во всяком социальном и ином преобразовательном акте.

Конечно, говоря это, мы имеем в виду не популярное образование и обучение, а подлинное приобщение широчайших кругов человечества к исследованию причин, разделяющих и разлагающих общество, мир и самого человека, как живое существо. Равным образом мы говорим не о символическом только знании, доводящимся бездельным и беспочвенным умозрением и на нем завершающимся, а о знании, проверяемом коллективным опытом человечества, объединенного строительством реальной культуры будущего. Только на этой почве может быть осуществлен лозунг: «Ничего не должно быть дарового, а все должно быть трудовым».

Началом и концом всякого строительства и преобразования должно быть *познание*, и в начале, и в конце они должны осуществляться всеобщей повинностью познания и изучения слепых стихийных сил природы.

Labor worldview: From the philosopher's archive

N.A. Setnitsky

Publisher — Anastasia G. Gacheva, DSc (Philology), Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences; Chief Librarian and Researcher, N. F. Fedorov Library No. 180 in the South-West Administrative District of Moscow. 25A, bld. 1, Povarskaya st., Moscow, 121069. E-mail: a-gacheva@yandex.ru.

Abstract. This publication consists of the archival articles and notes by Nikolai Aleksandrovich Setnitsky (1888–1937), philosopher, economist, statistician and one of the leading representatives of the noospheric, cosmic thought of the 1920s–1930s, which is associated with the preservation and creative development of N. F. Fedorov's ideas. These works were written in 1923–1924, when Setnitsky lived and worked in Moscow; together with his like-minded friends A. K. Gorsky and V. N. Muravyov he studied the issues of labor and its scientific organization, relevant for the first post-revolutionary decade. Unlike theorists of the scientific-organization-of-labor approach, cosmists of Fedorov's orientation interpreted labor as a world- and cosmos-organizing human activity in nature, which aims at overcoming chaos, death and decay, thus opposing entropy. Some works were intended for the journal *October Thought* with which Gorsky and Set-

²⁶. В качестве лозунга Н.А. Сетницкий приводит выражение Н.Ф. Федорова.

nitsky collaborated in 1924. Setnitsky's reflections on the purpose of labor were combined with reflections on the meaning of culture as a good cultivation and a creative transformation of the world. Articles about the labor worldview as requiring human activity in nature and in this sense opposing the passive-consumer attitude to land led to the issue central for Setnitsky — exploitation or regulation, which he considered in a special article. In the subtext of his articles for the Soviet audience, Setnitsky practically removed the religious-philosophical interpretation of the concepts of regulation, labor and culture, which he linked to the fulfillment of the commandment to "subdue the earth" and the eschatological re-creation of the world; however, some verbal and semantic patterns hinted at the original active-Christian direction of his thought. The published texts are part of Setnitsky's Harbin archive in the Fedoroviana Pragensia collection of the Literary Archive of the Museum of National Literature (Czech Republic). F. 341.

Key words: archival heritage of N. A. Setnitsky, cosmism of the 1920s–1930s, philosophy of labor, regulation, culture, fight against entropy, transformation of the world, projectivism